

И. Г. СПАССКИЙ

«ВИЗАНТИЙСКИЙ» ЗОЛОТОЙ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Сведения письменных источников о первых золотых Московского государства восходят к середине XV в. Подобно тому как пятью веками ранее первый златник Киевской Руси X в. повторил с русскими надписями обобщенный тип хорошо знакомых ей византийских золотых солидов, для московского государя, пожелавшего иметь золотые со своим именем, образцом (да и материалом — за отсутствием своего золота) служили приходившие в Москву золотые монеты Запада. От XV в. дошли до нас лишь два уникала: весьма точное повторение угорского (венгерского) дуката и уже несколько переделанное на русский лад подражание корабельнику (английскому ноблю), оба раза с двумя именами в русских надписях: Ивана III и Ивана Молодого как сопровителя; это датирует оба подражания не ранее 1470-х годов¹ (рис. 1).

Изначальное, «престижное» назначение русских подражательных золотых — более всего для представительности при дипломатических контактах на Западе да для не слишком частых, как можно думать, пожалованных подданным или высоким гостям. Лишь однажды упомянуты летописью, но остаются неизвестными золотые Василия III², не сохранились они даже от княжения Ивана IV; однако его военная реформа 1550-х годов, закладываявшая основу регулярного стрелецкого войска, дала новую жизнь подобным европейским монетам золотым правильной круглой формы, на полтора века определив их главное назначение — служить почетными наградами от имени царя за ратные подвиги для старших военачальников. При Грозном эти золотые обрели уже вполне русский вид. Систему наград пришлось пополнить знаками отличия для стрельцов и прочего войскового люда попроще, и над ними долго не думали: наградами стали обыкновенные «проволочные» копейки и денги, но выделанные вместо серебра из золота, а по нужде даже только золотившиеся.

При Грозном сложился устойчивый тип золотого самого высокого «класса» — с почти одинаковыми изображениями на обеих сторонах: двуглавый орел с единорогом на грудном щитке лицевой стороны и тот же орел, но с московским «ездецом» — на оборотной. Легенда начинается

¹ Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. — ВИД, 1977, VIII; Spassky I. G. Gold coins and coin-like gold in the Muscovite state, and the first gold pieces of Ivan III. — The Numismatic Chronicle, 1979, vol. XLIX.

² Опубликованный Я. Рейхелем (Собрание русских медалей, издаваемых Археографической комиссией. СПб., 1840, с. 2, № 4, табл. I) как «медаль, чеканенная при великом князе Иоанне Грозном» (? — И. С.), литой из золота и проработанный грабштихелем медальон с именем Василия Ивановича является подобием государственной печати (или кустодии) Василия Ивановича Шуйского с изображениями московского коронованного ездоца, поражающего змея, с двуглавым орлом с единорогом на щитке и с соответствующей легендой (Эрмитаж, Аз-87, № 1030, вес — 17, 84 г, диаметр — 36 мм), числится в эрмитажном собрании подделок с такой же, но неудачной отливкой, без дальнейшей обработки (Там же, № 1031, вес 17,44). Сведений о том, когда они пришли в музей, нет.

в круговой надписи лицевой стороны и заканчивается на оборотной. Сохранились подобный золотой в пять угорских (дукатов) Грозного (рис. 2) и португал (10 дукатов) Лжедмитрия. С воцарением Михаила Федоровича такой же вид приобрели все «степени» круглых золотых, начиная с угорского, ранее устойчивого типа не имевшего (рис. 3)³.

Помимо наградного дела, нуждавшегося в золотых чаще всего, они по-прежнему требовались для определенных церемоний двора, начиная с царских венчаний; в частности, цари запасались ими, отправляясь в богомольные «походы» по монастырям — для дарений к особо почитаемым иконам. Выделялись золотые по мере надобности в них царского двора и требования на них исходили всегда «сверху», непосредственно от царя. Его исключительным правом были изменения типа, если возникала надобность в особой, наиболее отвечавшей задаче композиции знаков. Таковы, например, были большой золотой в 10 червонцев для самого Хмельницкого и 60 тыс. золотых в $\frac{1}{4}$ червонца для его козачков с датой «1654»⁴ — нечто среднее между «стрелецким» и высшим знаком.

В царствование Бориса Годунова, обычные старшие золотые которого до нас вообще не дошли, особый случай, как кажется, вернул золотой на службу дипломатии. Царю понадобился угорский с гербом на одной стороне, а на главной, где начиналась легенда, впервые в русской чеканке — с «парсунной» царя (рис. 4). Сохранилась русско-английская дипломатическая переписка конца XVI в., позволяющая разгадать мотивы царя и причину появления первой парсуны в московской чеканке. Только что вступив на престол, Борис посылкой в Лондон своего небольшого золотого с портретом хотел загладить обиду, нанесенную королеве Елизавете царем Федором Ивановичем, который незадолго до того грубо отказался принять привезенный послом Д. Флетчером «прелестный подарок» — миниатюрную медаль (10 мм!) с ее портретом, усмотрев оскорбительное умаление своего достоинства в ничтожном весе этого «золотого»: по московским понятиям последний годился разве что для простого стрельца⁵.

Особенно сложные вопросы ставит перед исследователем резко выделяющийся среди обильных строго единообразных «орловых» золотых Алексея Михайловича (1629—1676) единственный «парсунный» тип его золотого, который с равным правом можно назвать и «иконным», поскольку царь представлен на нем в виде святого, с нимбом вокруг головы, а другую сторону кружка занимает образ Христа (рис. 5). Чтобы оценить всю необычность этой композиции, необходимо иметь в виду, что в противоположность монетной старине Запада и Востока денежное дело Московской Руси последовательно воздерживалось от любой религиозной тематики. Это легко объясняется тем, что родилось оно в XIV в. и развивалось в условиях гнета иноземных и иноверных завоевателей, а к тому же ориентировалось на мусульманский рынок приволжских ханств. Русские денги и именовались даже по-татарски, когда возникли как подобие татарских монет. Лишь в середине XV в. они обрели русский тип, окончательно избавившись от «татарщины» в надписях; но церковь успела привыкнуть к тому, что деньги чисто «мирское» дело и никаких претензий на использование их «внешности» в своих целях не предъявляла⁶.

С деньгами-монетами золотые роднит только место их изготовления, да и возникли они в иное время, как явление чисто идеологического порядка; однако и они были и остались безразличными к религиозной тематике — за исключением единственного случая, рассматриваемого здесь. Такой поворот, вероятно, могли вызвать только восторженные религиозные идеи, во власти которых находился юный Алексей Михайлович в первое десятилетие его царствования — в период его близости и сердечной приязни к Никону, который в этой связи за шесть лет, с 1646 по 1652 г., из игумена далекого северного монастырька превратился в патриарха «всех Руси» и «великого государя».

«Царь Алексей Михайлович, — писал исследователь отношений между царем и патриархом Н. Ф. Каптерев, — имел самое высокое представление о своей царской власти, о своем царском достоинстве, считая себя прямым отображением на земле царя небесного, от которого он отличается только тем, что он в противоположность царю небесному есть тленный царь; он признавал себя наместником самого бога на земле»⁷. Доктрина Иосифа Волоцкого о божественной природе царской власти — «Бози бо есте. . . Вас бо бог в себе место посади на престоле своем»⁸ — нашла здесь самую благодатную почву для прямолинейного понимания, а утверждению в этих взглядах юного царя в огромной степени способствовало влияние стремившегося к своим целям Никона: пусть царь будет «живой иконой», но «благ, кроток и послушлив»⁹, а реальная власть должна принадлежать церкви, так как «священство выше царства». В конечном счете, когда пришло время разграничить власть царя и «великого государя», последний потерпел катастрофу.

Необыкновенный золотой, создание которого не могло обойтись без участия и благословения Никона, сохранился в двух экземплярах, принадлежащих Гос. Эрмитажу и московскому Историческому музею. Первый поступил в музей в 1856 г. с коллекцией Я. Рейхеля, у которого оказался, видимо, не ранее 1820-х годов. Второй стал впервые известен после 1833 г., когда петербургский коллекционер Г. И. Лисенко купил его на Украине в Нежине, на столике базарного менялы. Оба золотых имеют

³ *Спасский И. Г.* «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси. — ТГЭ, 1961, т. IV. Впервые появившийся на печати конца княжения Ивана III подобный имперскому гербу двуглавый орел еще в XVII в. встречал скептическое отношение как герб Русского государства. Не признавал его «истинным» Г. Котошихин: «И сам царь гербом своим московским печатается на грамотах в христианские государства не истинным своим прямым. . . А крымские (грамоты. — *И. С.*) печатают печатью, вырезан царь на коне победил змея. . . То есть самая истинная Московского княжения печать» (*Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859, с. 23, 30—31). Не благоволил к царскому орлу патриарх Никон: «То правда, что царское величество. . . на самого бога возгореде широтою орла. . . Збывшееся писанное: измениша бо славу божию в славу человеческую и четвероногох скот и птиц. . .» (ЗОРСА, 1861, II, с. 465, 470, 640). Позже Ю. Крижанич, осмеивая басню об Августе — родоначальнике русской династии, писал: «Царь Иван поступил нехорошо и неправильно. . . (когда. — *И. С.*) знаковиной своей сделал орла двуглавого — римский или, скорее, немецкий герб». Крижанич имеет в виду присвоенные герба Священной Римской империи. См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1964, с. 627.

⁴ *Спасский И. Г.* «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси, с. 119—152.

⁵ *Спасский И. Г.* Золотой с парсунной Бориса Годунова. — СГЭ, 1978, вып. 43.

⁶ Исключение составляют монеты Новгорода и Пскова, более всего знакомых с монетами Запада, не знавших власти монголо-татар и позже всего начавших монетную чеканку (в 1420 и 1425 гг.). Оба сюжета их серебряных монет, оставшиеся неизменными в течение всего периода суверенной чеканки, в сущности могли бы быть признаны обращением к историческому прошлому. В Пскове остановились на образе Довмонта с его мечом (повторив рисунок дерптской епископской монеты), а новгородский сюжет со времен Татищева (св. Ольга!) остается загадочным и предметом споров. Наиболее популярно мнение А. В. Арциховского — поклонение св. Софии; его долго придерживался и автор этих строк. О значительности этого изображения для Новгорода говорит сохранение его при перечеканке старой монеты после мятежа 1447 г., а о том, что оно не было одиозным для московских властей, свидетельствует чеканка с ним в течение двух-трех лет первых новгородских монет великого князя, тогда как надпись «Великого Новгорода» была убрана сразу. Возникает соображение, не последовал ли Псков в 1425 г. примеру Новгорода? Как подвиги Довмонта для первого, для Новгорода в его историческом прошлом наиболее значительно жите Александр Невский и его кульминация — Чудское озеро: противопоставление похвалы врага — «победим князя Александра Ярославича, имем его руками» и «поимание» его Александром (*Мансикка В.* Житие Александра Невского. СПб., 1903. Текст, с. 5). Горделивая фигура со скипетром и в венце могла бы представлять победителя, униженно согбенная и нагая — просящего о пощаде противника.

⁷ *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912, т. 2, с. 178.

⁸ Там же, с. 75.

⁹ ЗОРСА, II, с. 482, 493 — идеал царя для Никона (его письмо 1666 г. патриарху Досифею); см. также: *Елеонская А. С.* Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 44—54.

вес двойного дуката¹⁰, а судя по диаметру штемпелей, они и не предназначались для обычных «одинаких» (в один дукат) золотых; напротив, можно с уверенностью предположить, что ими же чеканились более тяжелые — весом до пяти дукатов во всяком случае. Эта особенность штемпелей доказывает, что такие золотые предназначались для каких-то исключительных, особо ответственных целей.

Легенда в двойном, линейном и бусовом ободках БЖІЄЮМЛТІЮЄ-ЛИКІИ ГАРЬЦРЬІЄБІЛІКІКНЪІАЛЕЗЪІМІХАІЛОВІЧВЄЄАРУЄІИ окружает парсуну царя, изображенного до пояса, впрямь. Судя по бороде и усам, его возраст — не менее 21—24 лет (что соответствовало бы 1650—1653 гг.). Держава с большим, несколько странным крестом наверху приподнята в правой руке, в левой — опирающийся на плечо скипетр; замечательно, что увенчанную короной голову царя окружает нимб: ведь если нимб родился в древности как художественный прием, «подымающий» над фоном лики любых изображаемых персонажей (что можно видеть, например, на части сребреников Владимира и Святополка), то в XVII в. его значение строго ограничено: он стал исключительно знаком признанной церковью святости изображенного. Нечего и думать, что «кротчайший» Алексей Михайлович решился бы на такую вольность сам, без согласия патриарха.

Круговая надпись на оборотной стороне — первая фраза тропаря Всемиловитому Спасу: ПРЧТОМУТИСБРАЗЪПОКІНАЕМСАБГІИПРОСАЩЕПРОЩЕНІИПРЕГРЪШЕНІЄ. Она замыкается вокруг образа Пантократора, благословляющего правой рукой и с раскрытым Евангелием в левой; по сторонам головы — обычные сокращения (Иисус Христос, Господь вседержитель).

Тропарь Всемиловитому Спасу — непрменный элемент повседневного богослужения; однако выбор его для легенды золотого менее всего случаен: «Всемиловитый Спас» — патрональная святых царских дворцов, храмовый праздник дворцовой церкви и придворных царских монастырей. Именно поэтому полубившийся царю монах Никон и стал в 1646 г. архимандритом столичного царева Ново-Спасского монастыря¹¹; особой почестью для отправлявшегося в поход воеводы было получить «Спасов образ» из дворца, молебном Всемиловитому Спасу начинался сев в царском селе Измайлово и т. д.¹²

Если нимб вокруг головы царя на золотом допущен Никоном, то изготовление штемпелей ограничивается 1658 г.; однако датировка, по видимому, может быть еще более сдвинута в пределах 1650-х годов. В начале 1654 г. формула краткого титула, принятая, в частности, и для монетных легенд, пополнилась упоминанием Малой Руси; датированный этим годом серебряный рублевик Алексея Михайловича — самый ранний памятник этого приращения, а с 1656 г. даже в надписях новгородских и псковских медных копеек прибавилось еще и упоминание Белой Руси. Необыкновенный и выдающийся золотой с парсуной по значению нимало не уступает рублю. Пренебрежение полнотой титула было бы после 1654 г. явным умалением царского достоинства, следовательно, золотой может относиться к более ранним годам, подобно обычным «орловым» золотым, которые все несут на себе самую краткую надпись: ведь они впервые требовались еще в 1645 г. для осыпания при церемонии царского венчания, а набор готовых штемпелей служил после того до конца царствования.

Следует здесь вспомнить, что на подобных рублях медных полтинах того же 1654 г. титул остается старый, как и на всех московских медных копейках (с 1656 г.). Однако это отклонение от нормы объясняется исключительными трудностями, с которыми при осуществлении денежной реформы 1654 г. встретился Московский денежный двор: как раз на него возлагался выпуск небывалых новых крупных номиналов, а он, как неоднократно доносили царю, располагал единственным резчиком штемпелей — Федором Байковым и другого было «сыскать не мочно», от чего и «чинилась мешкота». Работы было множество, втискивать всю длинную

легенду требовалось на одну сторону штемпеля рубля, т. е. на один штемпель, а при грандиозном объеме московской медной чеканки обновить запас копейных штемпелей было просто немыслимо¹³. Идти на упрощение было тем легче, что медная чеканка считалась временной мерой.

Образ Пантократора — ключ к постижению замысла, тайной сущности необыкновенного золотого Алексея Михайловича. Читатель, знакомый с монетами Древней Руси, легко согласится с тем, что этот золотой удивительно близок по общей композиции к упоминавшемуся выше киевскому златнику Владимира Святославича (рис. 6). Сходство вполне очевидно, но оно представляет, конечно, не прямое подражание в XVII в. никому в Москве тогда не известному златнику, а примечательный, редкостный случай почти полного совпадения разделяемых семью веками двух опытов следования на Руси одному и тому же, совершенно определенному типу византийской золотой монеты X—XI вв. с изображением Пантократора и двух царственных особ у креста (рис. 7). При этом речь идет отнюдь не о поверхностном и бездумном, равнодушном к сюжету «подражании», а о целевом заимствовании самой идеи композиции — в совершенно определенных целях, но существенно различных каждый раз.

В конце X в. перед Владимиром, только что узаконившим принятую от греков новую государственную религию, стояла задача отвергнуть традиционные претензии Царьграда на верховную, «само собой разумеющуюся» власть над «новообращенной» страной. Русская надпись «Владимир на столе, се его злато» на монете византийского вида провозглашала независимость киевского князя, его полное равенство с византийскими императорами перед новым богом. Разумеется, вместо двух императоров был изображен с крестом один Владимир — даже с некоторыми чертами сходства, судя по относящимся к отцу Владимира наблюдениям Константина Багрянородного: с бритым подбородком и огромными усами.

Совсем иной замысел московского повторения XVII в. — тоже с одним царем, заменившим двух коронованных особ (и с раскрытым по московской иконографической традиции Евангелием Пантократора). Византийская старина здесь была высочайшим идеалом, предметом восхищения, преклонения и подражания. Преследуя свои далеко идущие цели, Никон с первых дней своего менторства укреплял царя в грекофильстве и в желании повторять «исторические» подвиги благочестия цареградских царей-праведников, как это было, например, в 1652 г., «яко же древле царю Феодосию» — при перенесении в Москву из Соловков останков загубленного Иваном Грозным митрополита Филиппа¹⁴. Царю постоянно

¹⁰ а) ГЭ, инв. Аз-87, № 4, вес 6,95 г, д-р 31 мм. Неоднократно публиковался начиная с 1839 г.; в «Собрании русских медалей, изданных Археографической комиссией», назван Рейхелем «первой русской медалью в византийском стиле». См.: Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, 1942, Т. 1. N 672.

б) ГИМ, ин. 91533/P.96, вес 6,51 г, д-р 30 мм. Судя по паре отверстий, имел ушко. Поступил в 1920 г. с коллекцией П. В. Зубова (1862—1921), некоторое время считался «новоделом». Каталог Г. И. Лисенко (1786—1842): ГПБ, отдел рукописей, Г 1927 (299).

¹¹ Спасо-Преображенской была большая церковь Зимнего двора, «Всемилоостивого Спаса» — часовня в Домике Петра Великого и т. д.

¹² Письмо Алексея Михайловича Ю. А. Долгорукому — ЗОРСА, II, с. 757; *Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917, с. 92.

¹³ *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1662). — ИАН СССР. Сер. VII. ООИ, 1935, № 3, с. 214—215; *Шукина Е. С.* Резчики монетных штемпелей второй половины XVII в. Федор Байков и Юрий Фробус. — Нумизматический сборник. М., 1955, ч. I, с. 129—130; *Спаский И. Г.* Денежное хозяйство русского государства в середине XVII в. и реформа 1654—1663 гг. — АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 124—125.

¹⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, т. X, с. 1551; в келейном имуществе Никона в 1658 г. оказалась незаконченная рукопись «Житие Филиппа митрополита Московского, местами в лицах, а инде писаны речи в тетратех, не дописана». Переписная книга домовою казны патриарха Никона. — ВОИДР, 1852, кн. 15, с. 114 (опись 1658 г. охватила как домовую, так и келейную казну патриарха).

внушалось, что он преемник могущества и славы константинопольских царей и божественного покровительства им, а может быть, даже будущий владыка Царьграда¹⁵.

Наставляемый Никоном Алексей Михайлович ощущал себя равным «равноапостольному Константину»: не только ощущал, но мог и видеть это равенство. Две задуманные для Нового Иерусалима большие иконы, «которые писаны к большому кипарисному кресту, на одной цке царь Константин, да великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья Руси самодержец, да великий господин святейший Никон патриарх, а на другой дцке мать царя Константина царица Елена, да государыня царица и великая княгиня Марья Ильинична, да благоверный государь царевиц и великий князь Алексей Алексеевич», находились в покоях Никона и были описаны в 1658 г. Не диво, что к такому царю и обращались соответственно¹⁶.

«Возвышение» Алексея Михайловича до уровня царя Константина в описанной иконе вполне очевидно и было инициативой, и делом Никона, у которого эти иконы и находились. Таким же точно орудием «возвышения» царя оказывается, скорее всего, и московский золотой. Алексей Михайлович благочестиво следует примеру Константина, которому литературная традиция приписывала прославление Христа на «златьницах».

Древнерусская литература, будь то летописание или агиография, публицистика или эпистолярное наследие, проникнута глубоким, многовековым влиянием Амартола¹⁷. Многочисленные русские списки перевода его Временника, питая соответствующую литературу, и сами веками входили в основной круг чтения образованных людей Руси; придворные льстецы привычно приравнивали любых государей к благочестивым царям Амартола. Его авторитет непререкаемого источника исторических знаний о Первом и Втором Риме был в XVII в. незыблемым (кстати, это первая книга на русском языке, не раз обращавшаяся в ходе изложения к вопросам монетного дела древности).

Рассказ о чудесном исцелении и обращении Константина, о небесном знамении — «светообразном» кресте со словами «сим победиши» — и о сооружении из «златопаенных» драгоценных камней его подобия — оружия победы над Максентием — Амартол продолжает: «По Максентии же царьствова Константин великий. Тот с тщанием посла повеление всюду привести оземствованным крестьяном с великою честью ити в своя си, а капища идольския раскопати, христовы церкви созидати. И к тому заповеда законы многи всюду. . . В среду и пятницу поститися и неделю правдовати. . . и жертвы отнюдь не творити и на распятие отселе не осуждати, зане честь на кресте христове, на златьнице образ его написати и издражати»¹⁸.

В действительности изображение Христа появилось на золотых монетах Византии не в IV в., а лишь в чеканке Юстиниана II (685—695, 705—711), потом при императорах-иконоборцах надолго исчезло и вновь пришло на монеты в середине IX в., а интересующий нас тип образа Христа-вседержителя — спустя еще столетие, с началом правления Константина VII и Романа II (945—959), и сохранялся на солидах следующих правлений, в том числе Василия II и Константина VIII (976—1025), но после правления одного Константина VIII (1025—1028) этот образ стал заменяться другими изображениями. Весьма характерной для монет VIII—начала XI вв. была двухфигурная композиция второй стороны монет (см. рис. 7).

В Киеве конца X в. просто было найти оригинал — «златник» константинопольских императоров: клады византийских золотых монет Украины — свидетельство достаточно широкого знакомства Древней Руси с царьградским золотом, и особенно часты в них монеты как раз X—начала XI в.¹⁹ Все дошедшие до нас златники Владимира были примесью к византийским монетам именно в таких кладах²⁰. Но иное дело — Москва XVII в.: где же там было взяться древней византийской золотой монете? Но откуда бы ни появился требовавшийся оригинал, он оказался в Москве

Алексея Михайловича в первое десятилетие царствования и может быть точно опознан по сохранившемуся описанию. «Восьм золотых, на них образ царя Константина и матери его Елены» открывают раздел золотых в составленной в 1658 г. по поручению царя А. М. Трубецким и Р. М. Стрешневым описи домового казны опального патриарха Никона; у предшественника последнего их заведомо не было ²¹.

Описание, скорее всего повторявшее формулировку из старой описи Патриаршего приказа, имеет в виду ту сторону монет, на которой фронтально изображены около высокого креста две царственные фигуры. Для православного сюжет вполне ясен: это, конечно, «Воздвижение честного креста». Следовательно, что бы там не было написано на монете, это изображение Константина и Елены, да и легенда таких монет с двумя императорами зачастую содержит имя «Константин», а когда это монета Василия и Константина, то, немного разбираясь в греческом, надпись можно понять как «царь Константин».

Приведенное и истолкованное описание раскрывает только одну двухфигурную сторону восьми одинаковых монет, но этого вполне достаточно, чтобы точнее опознать хорошо известный, устойчивый для целого столетия монетный тип — с Пантократором на второй стороне: ведь последнюю-то и повторил на золотом московский гравер! Монеты-реликвии, записанные в патриаршей сокровищнице первыми, непосредственно перед солидной группой русских золотых различного веса, вне всякого сомнения ценились Никоном превыше всего остального, вероятно, были предметом его гордости и, конечно же, были известны царю с момента их появления у патриарха, а причастность последнего к созданию в годы юношеской восторженности царя «византийского» московского золотого бесспорна. Она доказывается еще и тем, что во время суда, отбиваясь, а порой и давая волю злым нападам на царя, Никон не вспомнил о золотом, на котором царь самовольно причисляет себя к «лику святых».

Среди описанных вслед за византийскими монетами русских золотых (два пятерных, четверной, двадцать семь двойных, девятнадцать «одинаких») привлекает внимание солидная группа двойных, т. е. веса обоих рассматриваемых. Среди них (да и среди более тяжелых) даже можно предположить и какое-то количество «византийских» — запаса для надобностей Никона, для одаривания подходящих гостей. Таким вполне могло быть и происхождение экземпляра Исторического музея, объявившегося, как указывалось, на Украине в 1833 г. (Судя по наличию отвер-

¹⁵ *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 43—46.

¹⁶ ВОИДР, 1852, кн. 15, с. 112. (Упоминание в царском титуле Белой Руси, конечно, дело составителей описи и на датировку иконы распространяться не может). В построенной и освященной самим Никоном в 1662 г., но обновлявшейся в 1775 и 1867 гг. Голгофской церкви Нового Иерусалима находился кипарисный крест — несомненно упомянутый в описи; обе иконы либо предназначались для него, либо были повторениями для покоев патриарха; в XIX в. отмечаются находившиеся на двух столпах против креста две картины: с изображениями коленопреклоненных Константина, Алексея Михайловича и Никона на одной и св. Елены, царицы Марии Ильиничны и царевича Алексея Алексеевича — на второй (скорее всего, «возобновление» XIX в. осуществлено по литературным данным), см.: *Шемякин В. И.* Никон, святейший патриарх всероссийский и основанный им Новый Иерусалим. М., 1895, с. 313—314; *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч., т. 1, с. 281 (письмо Ивана Неронова из Вологды: «Припадаю, молю твое благодие, о равноапостольне . . . о благочестивый царю, иже воистину по бозе бози. . .»).

¹⁷ *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Киев, 1875, вып. I, с. 1—201.

¹⁸ *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Пг., 1920, т. I. Текст, с. 333. Оземствование — ссылка. В аналогичном контексте у Никона см.: *Елеонская А. С.* Указ. соч., с. 54 («в ссылки рассылаются и от нас плачевно разлучаются в преднаидечайшие. . . оземствования»).

¹⁹ *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, с. 31—38.

²⁰ *Стаский И. Г.* Новые данные о златниках Владимира. — ВИД, 1974, VI.

²¹ ВОИДР, 1852, кн. 15, с. 22; ААЭ, 1836, т. IV, с. 83—84.

стий — следов ушка, этот золотой какое-то время служил образком или женским украшением — дукачем.)

Приходится посоветовать на то, что ни одно из описаний XIX—начала XX в. Московской патриаршей ризницы не уделило внимания хотя бы весу хранившихся в ней до 1917 г. каких-то 14 золотых²². Для чего могли требоваться «великому государю» русские золотые (не обязательно рассматриваемого здесь вида), записал по памяти протопоп Аввакум в последние годы жизни: «Я ево высмотрил дьяволова сына до мору-тово еще, — великий обманщик, б. . . н сын! Как-то при духовнике-том Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно ис палаты нищим денги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет. А мир-от слепой: государь такой-сякой, миленькой, не бывало такого от веку!»²³.

Хорошо известно, что стремившиеся через все препятствия в Москву за милостыней гости с православного Востока осуществляли обильнейший «импорт» священных реликвий: икон, мощей, камней и песка, воды и растений и т. п. Конечно, и случайная древняя монета с подходящим именем и изображением вполне годилась бы для этого промысла. Но целая группа однотипных византийских монет одного времени явно имеет кладовый характер и скорее всего могла прийти в Москву с Украины. Количество известных там находок — это лишь учтенная «добыча» XIX—начала XX в. Не приходится сомневаться, что находок было гораздо больше, что они случались и в XVII в. и могли становиться известными власть имущим, а в особенности церковным иерархам, более способным оценить их, как были, например, оценены и сохранены подобные раритеты захороненной от Петра I казны Киево-Печерской лавры²⁴. [Такая группа монет из древнего клада вполне могла послужить прекрасным подношением патриарху от кого-нибудь из частых в его «приемной» с начала 1650-х годов посетителей с Украины, светских и духовных. К «великому государю», зная его власть, в Москве обращались едва ли не раньше, чем в царский дворец²⁵.

Церковный «антиквариат» пользовался глубоким доверием и уважением набожного Алексея Михайловича. 10 июля 1655 г. в упоении от успешного хода кампании он писал близким с войны из-под Шклова: «Привезли нам с Афонские горы крест царя Константина, да главу Иоанна Златоустого, которым крестом царь Константин победил Максентия. . .»²⁶. Снова Максентий, и снова к появлению «оружия» непосредственное отношение имеет Никон: в его письме в ставку от 25 июня говорилось «о кресте на победу и на погибель королю польскому и всем врагам» и 1 июля — «о помощи животворящего креста», а в перехваченном тайном послании в Царьград патриарху Досифею Никон уже отчасти готов был приписать себе и победу: «. . .первое царь бе благоговеен зело и милостив, и во всем божиим заповедем искатель. . . и милостию божиею и нашим благословением победы Литву. . .»²⁷.

Сразу напрашивающееся предположение о принадлежности и рассматриваемого золотого к «идеологическому оружию» того же 1656 г., помимо приводившихся соображений о титуле, начисто отвергает сравнение парсуны золотого с точно датируемыми 1654 г. портретными изображениями царя на новых монетах. Упомянутый выше единственный гравер монетных штемпелей Московского денежного двора Федор Байков вырезал в 1654 г. не менее четырех пар штемпелей для серебряных рублевиков с изображениями царя-всадника и столько же для сходных с ними по размеру и рисунку медных полтин²⁸ (рис. 8, 9). К сожалению, неизвестно, когда Байков пришел на Денежный двор, но как автор золотого он решительно исключается.

Царь на золотом и на рублевике изображен в одной и той же короне, но на этом всякое подобие портретов заканчивается: даже надета она по-разному! На золотом остается открытым весь лоб, и она неправдоподобно лепится на макушке; на рубле ее обод охватывает лоб, как и положено, чуть повыше бровей. Подход обоих художников к натуре настолько различен, что пытаться сравнить портреты по возрасту, к со-

жалению, безнадежно; выполнение портрета на рублевике отличает большое реалистическое мастерство и наблюдательность художника, совершенно недоступные автору золотого, задача которого между тем облегчалась более крупным масштабом изображения. К тому же в последнем мастере можно даже предположить нерусского: изображая крест, русский едва ли упустил бы его нижнюю скошенную перекладину — подножие; а на золотом повторена странная для русского форма креста, встречавшаяся, однако, на некоторых солидах (см. рис. 7, б). В изображении Христа обнаруживается даже непонимание его хитона: правая рука представлена как бы в узком, облегающем рукаве.

Золотые, подобные «константиновым», с их кратким титулом, казалось бы, могли послужить напутствием воеводам при торжественных проводах ратей в поход с февраля по май 1654 г., включая и выступление самого царя 18 мая. Но тщательно разработанный до малейших деталей и правленный лично царем «чин» проводов едва ли умолчал бы о пожалованиях золотыми²⁹, да и тема покаяния, звучащая в легенде золотого, малоуместна в таком торжественном случае. Приходится отнести появление этих золотых к еще более ранним годам.

Одной из самых ранних и притом самой значительной удачей Никона в подчинении себе сознания и воли Алексея Михайловича было упоминание выше перенесение останков митрополита Филиппа в Москву — конечно же, по примеру благоверного императора Феодосия, загладившего таким способом неблаговидные поступки матери, отправившей Иоанна Златоуста в ссылку, причем в специальном послании Феодосия к мощам испрашивалось прощение виновной.

Поход Никона в Соловки за мощами также увековечен собственноручно подписанным царем в марте 1652 г., но сочиненным от первого до последнего слова Никоном «молебным посланием». Значение этой «подписки о покорности» для Никона в сопоставлении с его поведением при избрании в патриархи вполне очевидно. Как увлечен и доволен собой был тогда Алексей Михайлович, видно из его письма к Н. И. Одоевскому с восторженным описанием этого события под свежим впечатлением³⁰; но через 14 лет, на суде 1666 г., пренебрегая своей подписью, царь требовал у Никона ответа: для чего он сочинил это послание. Никон безмолствовал. . .

²² Успенский А. Патриаршая ризница в Москве. — Мир искусства, 1904, 12, с. 237—264; Пушкин Б. Краткий указатель Патриаршей ризницы в Москве, с описанием церкви XII Апостолов, Ап. Филиппа, Мирваренной палаты и историческими сведениями о всероссийских патриархах. М., 1907, с. 37 (витрина с цатами и подвесками); Савва, архиепископ Тверской. Указатель для обозрения Патриаршей, ныне Синодальной ризницы. М., 1883.

²³ Протопоп Аввакум. Толкование псалмов. — РИБ, 1927, т. XXXI, кн. 1, стб. 460—461.

²⁴ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. — Нумизматика и эпиграфика, 1970, т. VIII, с. 183—184. Побуждение отдавать в церковь непонятные, даже драгоценные находки было естественным: в них мерещилось что-то загадочное и враждебное, может быть нарочно подброшенное нашедшему. Подальше от греха!

²⁵ Малороссийская переписка, хранящаяся в Архиве Московской Оружейной палаты. — ЧОИДР, 1848, год третий, № 8, отд. IV, № I, II, III, X, XVII и XVIII.

²⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1898, т. V, с. 33. О кресте Константина см.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898, вып. III, с. 142.

²⁷ Выписки из писем патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу в его государевы походы в Смоленск и в Вильну и под Ригу со 153 по 165 год. — ЗОРСА, 1861, II, с. 591 и 513.

²⁸ Спасский И. Г. Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 гг. Л., 1960, с. 12—15, табл. I—III.

²⁹ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 1657—1663: Курдюмов М. Записка о церемониях, происходивших при дворе царя Алексея Михайловича по случаю объявления похода против польского короля Яна-Казимира. СПб., 1910.

³⁰ Собрание писем царя Алексея Михайловича/ Изд. П. Бартенева. М., 1856, с. 222—225.

В послании, между прочим, говорилось: «Ничто же ми тако печаль души творит, пресвятыи владыко. . . еже разрешити согрешения прадеда нашего. . . И сего ради преклоняю сан свой царский за оного, иже ты согрешившего, да оставиши ему согрешение его. . . да подасти тому прощение. . . Сего ради ты молю о сем, о священная главо, и честь моего царства. . . и за того покаяния к тебе и нашего рода прощения, приди к нам. . . молим тя, не презри нашего грешного моления. . .»³¹.

В «тональности» этого сочинения 1652 г. и в начальной фразе тропаря, помещенной как легенда на золотом 1652 г., можно ощутить нечто созвучное; обращение за прощением к Всемиловитовому Спасу не приходит в противоречие с «адресатом» послания — прощение от бога все покрывает. В сопоставлении с избранной Никоном тактикой в момент избрания, со слезными, униженными мольбами, до которых был доведен царь, такой способ закрепления достигнутого увековечением капитуляции государственной власти перед церковью представляется вероятным. Это предположение находит подтверждение в том, что в выпадах против царя резко защищавшегося Никона странный во всех отношениях золотой не упоминался³². Может быть, новые находки когда-нибудь подтвердят или отвергнут наше предположение о прямой причастности этого памятника к поездке Никона за соловецкой святыней³³.

³¹ СГГД, ч. III, с. 471—472. Обращаясь на суде к Никону, царь имел в виду уже его письмо в Константинополь, но это дела не меняет.

³² См.: *Елеонская А. С.* Указ. соч., с. 49—54.

³³ Ориентирующегося в исторической литературе читателя может удивить, что не была названа монография исследователя архива Патриаршего приказа П. Писарева «Домашний быт русских патриархов» (Казань, 1904), в которой со ссылками на Расходную книгу Приказа 1656 г. отмечается присутствие в денежной казне времен Никона золотых, «вычеканенных из домового слиточного золота» (с. 114). Однако при проверке в ЦГАДА (ф. 235, оп. 2, кн. 41) выяснилось, что заказы на чеканку золотых этот автор усмотрел в часто встречающихся как в этой книге, так и в более ранних записях об оплате мастеров-сусальщиков, расчет с которыми производился с золотого, переработанного в листики сусального золота. Например: «Марта в 20 день. Сусальщиком мастером Воробьевские слободы тяглецом Андрейку Пиминнову, Антошку Кондратьеву, Максимку Родионову, сыну кадашевцу Константину Никитину за дело от сусального золота, что они делали в домовом казенном золоте, от сорока золотых по тридцати две денги з золотую. Итого четыре рубли» и т. д.